

Александр Гальпер

Тбилисское саперави

Пять утра. Я ползу вниз по склону под проливным дождем по улице Акакия Акакиевича Шанидзе в Тбилиси. Меня подвезли и высадили всего в двух домах от гостиницы, но пройти эти сто метров невозможно. Ливень с молниями, шквалистый ветер и количество выпитого сбросили меня на землю. Я лежу и смотрю в грузинское небо, черное, как вино саперави, как глаза недоступной красавицы, певицы Анны, у которой только что был в гостях.

Зачем я столько выпил? Опасные люди — грузинские поэты. Вначале был бочонок черного, как смерть, саперави. Потом бочка побольше, и уже коньяка, который Анне прислали из деревни. Божественно мягкий! Потом сказали — сколько можно поить дорогого заокеанского гостя грузинским алкоголем, он уже соскучился по чему-то родному — и выставили ящик водки. Потом меня везли домой. Я вышел, захлопнул дверь машины... и дальше не помню. Я хотел зайти в магазин, чтоб купить минералки на утро. И вот лежу в луже. Гостиница в тридцати метрах. Я никогда не доползу. Я влюбился в Аню. Как она играла на гитаре! Какой волшебный голос! Если я не утону, то обязательно сделаю ей предложение.

Мимо меня важно протопал носорог. Что?! Да, именно носорог. Как в пьесе Ионеско. И это в центре Тбилиси. Как же он, интересно, перешел проспект Руставели? Там такое движение! Он шел километр до светофора и ждал зеленого? Какой умный носорог! А я однозначно сошел с ума. Сколько же я выпил! Я попробовал привстать из лужи и упал опять. Носорог посмотрел на меня с укоризной, как часто смотрела покойная бабушка Тойба из Киева, и покачал головой: «Из тебя никогда не выйдет ничего путного!»

Я пополз дальше. До светящейся двери гостиницы было ещё метров двадцать. Мелкие ручейки стали сливаться в речку. Я схватился за дерево. Мимо проковырял жираф. Он посмотрел на меня с высоты своего роста и тоже покачал головой, как моя московская невеста, когда сказала, что не поедет с таким алкашом в Америку, и порвала визу. Ну разве прозорливый человек будет спрашивать у жира-

фа, как он перешел Руставели? Он высокий, ему виднее. Может себе позволить. И я стопроцентно сошел с ума. Звоните в скорую. У меня белая горячка! У какого нормального человека не начнется в Тбилиси белая горячка? Тут я увидел катящуюся на меня с вершины горы волну. Она приподняла меня и поднесла почти к дверям гостиницы. Что теперь? Найти в кармане мокрых штанов ключи? Позвонить в звонок? Готов ли я к такой сверхзадаче?

Тут я увидел, как медленно, не торопясь, мимо шествует лев. Его шаг был пружинистым, как всегда, готовым к прыжку. Ха, теперь царь зверей. Если раньше можно еще было сомневаться в моем безумии, то теперь никаких сомнений не осталось. Я дернул его за хвост: «Эй, грязный котяра! Как ты перешел Руставели? Ты ждал зеленого? И не ври мне здесь! Ты ничего мне не сделаешь, потому что я сошёл с ума! Ни тебя, ни меня нет! А ну отвечай!» Я дал ему кепкой по морде. Лев огрызнулся и раскрыл пасть — наверняка, чтоб сожрать меня, — но я дыхнул на него смертельной комбинацией спиртного, он стушевался и убежал с моей кепкой. Я дико расхохотался. Тут портье выскочил из гостиницы, закинул меня на плечо и занес в номер. Я провалился в сон.

Проснулся я уже поздно вечером. Голова трещала, будто по ней били кувалдой. Включил интернет. У меня было миллион сообщений, но не было сил их смотреть. Стал читать новости. Оказывается, ночью невиданной силы ливень затопил тбилисский зоопарк, и водой вынесло зверей из заграждений. Лев загрыз несколько человек недалеко от моей гостиницы. «Уже больше суток не выходит на связь американский поэт, приехавший на гастроли в Тбилиси. Рядом с расстрелянным львом нашли его изорванную кепку», — сообщали взволнованные журналисты. Я вспомнил, как я дернул зверя за хвост. Он был настоящим!

В соцсетях было еще тревожней. Дядя Сруль Исаакович в Бруклине начал сбор средств по возвращению моего разорванного львами тела в Америку. Известный нью-йоркский ребе Шульцман согласился сказать речь на моих похоронах, если похороны будут в среду. А в четверг он должен быть на свадьбе парикмахера Каца с 46-й улицы, и вы же знаете этих Кацов! Они не согласятся ни секунды подождать.

Поэт Саша Китов в Праге уже организовал мой мемориальный вечер. На нем он собирается прочесть мой самый известный стих «На освобождение геев Кандагара от талибанского гетеросексуального ига». Ну и дела! Я открыл бутылку саперави, которую мне подарил таможенник в тбилисском аэропорту. Так что, я реального льва дернул за хвост? И дал ему кепкой по морде? Круто! Потянуло опять спать. Я dokonчил бутылку одним глотком, зевнул, выключил планшет и опять вырубился.

На следующий день, с еще трещащей головой и новой кепкой на ней, я вышел из гостиницы. В Тбилиси был полный апокалипсис. Снесенные дома, перевернутые машины, пробегающие солдаты с винтовками наперевес, полицейские бронетранспортеры, объявляющие что-то на грузинском. Прямо на дороге лежал застреленный тигр. Я постоял над его трупом, сняв кепку. Жизнь несправедлива! Я увидел, как из реки вытаскивают затопленную машину, а из нее — труп молодой женщины, и кладут в мешок. Мне стало жалко эту гостеприимную страну и ее народ. Это, видимо, я приношу несчастья. Куда ни приеду, там что-то случается.

Мое выступление отменили, но дорога в аэропорт была смыта. Я брел бесцельно по городу уже час, когда выскочил грузин Ираклий, поэт, с которым я пил у Анны, и стал показывать куда-то рукой: «Быстрее, нужна помощь!»

Я побежал за ним. Посередине проспекта Руставели, напротив магазина швейцарских часов, стоял звезда тбилисского зоопарка бегемот Гоги. Он был окружён машинами и толпой народа, но не обращал ни на кого внимания. Помню, позавчера у витрины этого магазина я тоже стоял как вкопанный. Какие классные часы там продаются, но даже мне, зарабатывающему раз в десять больше Ираклия, они не по карману. Глаза Гоги выражали печаль, и я мог его понять. Как можно не хотеть такое чудо техники и дизайна?

Ираклий закричал:

— Гоги! Дорогой! Иди домой! Мы решили проблему — попросили слона Вахтанга подвинуться. Тебе уже есть место. Там сухо. Иди туда!

Но Гоги продолжал зачарованно пялиться на ремешки и циферблаты. Ираклий не выдержал:

— Гоги! Посмотри, вот человек, приехал из далекой Америки. Еврей! Что он о грузинах подумает? О Тбилиси? Тебе не стыдно? В Америке скажут — опять грузины выкидывают свои грузинские штучки! Ты знаешь, как сейчас наша маленькая страна нуждается в американских инвестициях? Ты телевизор не смотришь? Ты слышал, что президент говорил? Ты что нас позоришь?

Животное даже ухом не повело. Ираклий продолжил:

— Взгляни на Сашу! Он не только американец, он ещё очень хороший писатель. Он в Америке у самого Аллена Гинзберга учился. А еще его из Англии депортировали!

Гоги повернул ко мне голову. Ираклий подтолкнул меня:

— Подойди, погладь его! Не волнуйся, он добрый! Мы, правда, вкололи в него кучу снотворного, чтобы не хулиганил. Но непонятно, сколько надо на этого гиганта. Он весит полторы тонны и пятьдесят километров в час бегаёт!

Я вспомнил, как недавно читал, что от бегемотов за год погибает в мире больше людей, чем от тигров и акул вместе взятых, сделал робкий шаг вперёд и погладил шероховатую кожу. Гоги медленно отвернулся от витрины и начал степенно

идти в сторону зоопарка. В это время зазвонил мой телефон. Это была столетняя полуглухая тетя Ида из дома престарелых в Канаде:

— Алле! Саша! Мне твоя мама сказала, что тебя съел лев. Это правда? Я хочу выразить соболезнования.

— Тетя Ида! Вкратце это не совсем соответствует действительности, но я не могу сейчас вам все рассказать. Я веду бегемота Гоги к слону Вахтангу домой. Он очень нервный. Он не спал целую ночь и ему не купили швейцарские часы.

— Не слышу! Ты женился? Ну, грузинки все красавицы! Слава Богу! Я думала, что до этого момента не доживу. Сейчас позвоню в Хайфу и Киев, расскажу всем родственникам.

Мы довели Гоги к вольеру. Как только он зашел внутрь, зазвонил телефон уже у Иракия. Он выслушал чью-то речь и радостно воскликнул:

— Императорского пингвина Моисея, которого подарил нам иерусалимский зоопарк, унесло наводнением в Азербайджан. Но Моисей понял, что не может жить без Грузии, и поплыл назад. Его встретили на границе и везут в Тбилиси. Да здравствует грузинско-еврейская дружба!

Все стали меня обнимать. И я почувствовал себя счастливым человеком!

Поэты умирают по разному
Кто-то в своей постели в 90
Кто-то повесится или застрелится или сопьется
Кто-то сбежит и погибнет на войне
Как это все предсказуемо и скучно!
А меня вот посередине Тбилиси мог съесть лев
Я мгновенно бы стал всемирно известным
Мои книги перевели бы на все языки мира
Но от меня так несло водкой
Что лев тряхнул гордой головой и пошел дальше
И я расплакался что из-за своего алкоголизма
Умру в полной неизвестности

Александр Гальпер родился в Киеве в 1971 году. В возрасте 18-ти лет вместе с семьей иммигрировал в Америку. Окончил литературный факультет Бруклинского колледжа в Нью-Йорке. Пишет стихи и рассказы на русском языке. Два раза попадал в лонг-лист Григорьевской поэтической премии. Лонг-лист премии «Национальный Бестселлер» за роман «Счастливые люди». Книга коротких рассказов и стихов «Новое Макондо» объявлена лучшей книгой года в категории «Проза и поэзия» по версии «Независимой газеты» (2018). Переведен на английский, немецкий, грузинский и шведские языки. Работает в Нью-Йорке социальным работником.